

**ВОЛКОНСКИЙ А. В. — в ОГПУ
О ВОЛКОНСКОМ А. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ВОЛКОНСКИЙ Андрей Владимирович, родился ок. 1879. Князь. В 1914 — во время Первой мировой войны на фронте, четырежды был ранен и тяжело контужен. В 1920-х — проживал в Петрограде, во время голода работал в Управлении продовольственной части Петроградского военного округа. Женат на Елизавете Александровне Волконской. В 1923 — арестован, освобожден хлопотами М. В. Новорусского, председателя Петроградского Политического Красного Креста. Летом 1927 — арестован, 23 сентября освобожден с ограничением проживания на 3 года (-6). В ноябре арестован и заключен в тюрьму. В феврале 1928 — освобожден и отправлен в Боровичи Новгородской области¹. 17 марта 1929 — по ходатайству юридического отдела Помполита получил разрешение приехать на лечение в Ленинград. В октябре 1929 — вновь арестован, в ноябре приговорен к 5 годам ссылки, в декабре освобожден, но выехать в Казань не смог и вновь был арестован.

В январе 1930 — обратился с заявлением в ОГПУ, копию заявления переслал в Помполит.

«В ОГПУ

Гр<ажданина> ВОЛКОНСКОГО
Андрея Владимировича,
прожив<ающего> в г<ороде> Казани
2-я Солдатская, д<ом> 14/28.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В 1927 г<оду> постановлением от 23 сентября Особого Совещания я был приговорен к 3-х летней высылке минус 6 по обвинению в контрабанде (подозрение в пособничестве в продаже контрабандного арифмометра, который я не видал, ГПУ мне не могло его показать), а документы, мною пересланные т<оварищу> Катаньяну с очевидностью доказывали, что и запаха контрабанды не было (документы, см<отреть> дело), настолько очевидные, что т<оварищ> Катаньян распорядился тогда (ноябрь 27 года) задержать мою высылку из гор<ода> Ленинграда. Просьба не была уважена. Пробыв в высылке до 17 марта 1929 г<ода>, я страдаю на почве ранения экземой, расстройством сердечной деятельности, получил разрешение Боровицкого ГПУ уехать в Ленинград для лечения. Пробыв в г<ороде> Ленинграде до 9 июля, мне было предъявлено требование вновь уехать на высылку, причем, тов<арищем> Вицманом было дано разрешение каждые две недели приезжать на лечение X-лучами Рентгена — согласно осмотра Комиссии врачей при ГПУ в Ленинграде.

Выполнить вышеозначенное требование я не мог, т<ак> к<ак>, простудившись, слег с крупозным воспалением левого легкого, повторившемся дважды. Все это время я провел в постели, в виду того, что ослабший организм сердца не позволял мне даже ходить. Я хотел о своей болезни сообщить в ГПУ, но лечивший меня профессор Великанов категорически воспротивился этому, заявив мне, что это может вызвать волнение, которое при общей слабости сердца может вызвать припадок, и что больного человека никто не арестует.

Он оказался не прав — я был вызван в ГПУ и арестован с температурой в 38,9° и отвезен в Д<ом> П<редварительного> З<аключения>. На допросе я требовал своего медицинского

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 361. С. 109-111.

освидетельствования (см<отреть> протокол допроса), но его мне не предоставили, и уже через неделю очутившись в изоляторе ДПЗ (в виду переполнения лазарета) врач Бобков установил у меня остатки воспаления легкого, но выдать мне удостоверение отказался, сообщив, что подобного рода удостоверения выдаются только по требованию следственных властей. Словом, все было сделано так, чтобы представить, что я был здоров и самовольно проживал в запрещенной зоне, было предъявлено обвинение по ст<атье> 82 ч<асть> 2, но оно было все же Комиссией ГПУ отвергнуто и постановлено только выслать меня этапом в г<ород> Казань, а 27 декабря я был освобожден из тюрьмы и, явившись в местное ГПУ, узнал, что Ленинградское ГПУ возбудило ходатайство о продлении мне срока высылки за то, что по болезни не явился в срок?

Но ст<атья> 82 ч<асть> 2 говорит, что <за> неявку в срок полагается 1 месяц принуд<ительной> работы, а меня продержали более одного месяца в тюрьме, что соответствует 3-м месяцам принуд<ительных> работ.

В обоих случаях характерно то, что в 1927 г<ода> "Главный контрабандист", продававший контрабандный арифмометр норвежский инженер Ли не только не был допрошен, но не был вызван; "второй контрабандист" Беляков, покупавший якобы контрабандный арифмометр, через 4 месяца был освобожден от высылки, а я "второстепенный контрабандист", только, если верить следственному заключению, познакомивший Ли с Беляковым, отбыл 2 года 3 мес<яца> высылки и 3 мес<яца> тюрьмы под следствием — я должен еще за какие-то не известные мне преступления еще мучиться.

Как в 1927 г<оду> никакого следствия, допроса свидетелей и рассмотрения представленных документов не было, так и в 1929 г<оду> ни медицинского освидетельствования, ни допроса врачей не было сделано, а прямо прочат новое наказание. За что? Все время, проведенное мною при Советской власти, я держал себя вполне лояльно и смею думать, что приносил пользу, работая при Управлении Продовольственной Частью Петроградского Военного Округа (Упродпетокре) — я дал для страны во время голода свыше полумиллиона пудов второсортки муки, добытой мною из негодных отбросов торфяного производства (см<отреть> в деле 1923 г<ода> бумагу за подписью Управляющего Упродпетокро М. В. Новорусского, в учреждении которого я приготавливал муку, и по хлопотам которого я был немедленно освобожден). Я создал в Ленинграде новое отопительное дело, отопляя ряд казенных зданий, напр<имер> Институт Инженеров Путей Сообщения, Главный Штаб, казармы, бани и т<ак> д<алее>, остатками от того же гречневого крупяного производства, восстановил 3 дома в Ленинграде и Детском селе. Всю свою жизнь трудился, тружусь, и отнюдь не считаю себя трутнем на шее трудовой Республики.

Много раз мне ставили в вину, что я, обладая таким знанием и опытом, не состою на государственной службе, — но куда же меня примут с такой фамилией и все равно при первой же чистке вычистят. Наконец, теперь, после войны, 4-х ранений и тяжелой контузии, отразившейся на сердце, я полуинвалид, почти 50-летний старик, нуждаюсь в покое, и если ГПУ полагает, что я в Ленинграде лишний, то я готов навсегда уехать из Ленинграда, то пусть мне дадут 2-3 мес<яца> для ликвидации моих дел и лечения. Прошу о полном освобождении.

Волконский»².

Весной Андрей Владимирович Волконский вновь был арестован и заключен в тюрьму. В августе 1930 — к Е. П. Пешковой обратилась за

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 422. С. 178-179. Машинопись, подпись — автограф.

помощью *Елизавета Александровна Волконская, жена Андрея Владимировича.*

<25 августа 1930>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, не отказать мне помощи.

Муж мой, Андрей Владимирович Волконский, в настоящее время находится в ДПЗ в Ленинграде. Особоуполномоченный Ленинград<ского> ОГПУ товарищ Жуков сообщил мне, что его высылка прекращена вовсе, что бумагу, полученную от Вас за № 1032 18.8.30 г<ода>, ровно никакого значения для них не имеет.

Убедительно прошу Вас сообщить об этом в Московск<ое> ГПУ и помочь мне в этом деле.

Уважающая Вас Е. Волконская

25 августа 30 г<ода>³.

В сентябре 1930 — Елизавета Александровна Волконская вновь просила помощи Е. П. Пешковой.

<15 сентября 1930>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, относительно дела моего мужа Андрея Владимировича Волконского. Как выяснилось, Ленингр<адский> Отдел ГПУ ничего об его освобождении не знал, и считал, что он должен был явиться к ним лично и объяснить. Как это высший орган не был осведомлен раньше всех, для меня не понятно, и с их стороны предлог: затянуть дело; тов<арищ> Видеманн вызвал меня и просил показать справку, но я ее, худо ли или хорошо, послала в Москву в ОГПУ: ул<ица> Дзержинского Э., написав все подробно. Пока это все выясняется, а муж все сидит и сидит...

Мне очень неприятно беспокоить Вас, многоуважаемая Екатерина Павловна, но я совсем потеряла голову и не знаю, что делать!

Будьте добры, ответьте мне относительно этого дела.

Уважающая Вас Е. Волконская»⁴.

27 декабря 1930 — Андрей Владимирович Волконский был освобожден из тюрьмы, позднее был выслан в Томск и в феврале 1935 — скончался там⁵.

ВОЛКОНСКАЯ Елизавета Александровна, родилась в 1881 в Санкт-Петербурге. Княгиня. Получила среднее образование. Вышла замуж за князя Андрея Владимировича Волконского, архитектора. В 1931 — выехала в Томск к ссыльному мужу, работала там домработницей, с февраля 1935 — вдова (муж скончался). 29 мая 1937 — арестована как «руководитель контрреволюционной кадетско-монархической повстанческой организации "Союз спасения России"». На допросах никого не назвала и не признала себя виновной. 18 августа приговорена к ВМН и 31 августа расстреляна⁶.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 453. С. 144. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 477. С. 146-147.

⁵ Азадовский К. М. Жизнь Николая Ключева. СПб, «Звезда», 2002. С. 315.

⁶ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.